

На правах рукописи

Горчханова Танзила Хасултановна

**ЖАНР РАССКАЗА В ИНГУШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.
ИСТОКИ. СТАНОВЛЕНИЕ**

Специальность: 10.01.02 – литература народов Российской
Федерации (ингушская литература)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2016

Работа выполнена в Отделе литератур народов РФ и СНГ Федерального Государственного бюджетного учреждения науки Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской Академии наук.

Научный руководитель:

доктор филологических наук

Бигуаа Вячеслав Акакиевич

Официальные оппоненты:

Туркаев Хасан Вахитович, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»

Хакуашева Мадина Андреевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы ФГБНУ «Кабардино-балкарский институт гуманитарных исследований»

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический институт»

Защита состоится «...» декабря 2016 года в 11.00 часов на заседании Диссертационного совета Д 002.209.04 при Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН по адресу: 121069, г. Москва, ул. Поварская д. 25а.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН.

Автореферат разослан « _____ » _____ 2016 года.

Ученый секретарь

Диссертационного совета

Кандидат филологических наук

С. П. Сорокина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность избранной темы определена тем, что в ингушском литературоведении нет работ (если не считать отдельных статей), посвященных проблеме зарождения и динамики жанра рассказа в национальной литературе. Те немногие монографии, которые в основном посвящены исследованию общего литературного процесса, не раскрывают историю жанра рассказа.

Для полноценного исследования процесса литературного развития, его периодов необходимо рассмотрение вопросов своеобразия бытования традиционных жанров, появления и взаимодействия новых жанровых форм. Следовательно, изучение истории жанров позволяет показать картину развития национального литературного процесса.

Исторические, социальные, культурные сдвиги во второй половине XX века дали новые возможности для развития жанра рассказа в ингушской литературе. Немаловажное значение имело плодотворное влияние художественных традиций других национальных литератур Российской Федерации, в том числе русской.

Характерными чертами ингушского рассказа XX столетия стали идейно-эстетическая многозначность, богатая внутренняя философия, художественная многоплановость, психологизм и т. д.

Очевидно, что назрела необходимость написать отдельную работу, исследующую историю рассказа, истоки его зарождения, особенности его развития в контексте исторических и культурных процессов в Ингушетии и северокавказском регионе.

Исследование истоков зарождения ингушского рассказа, становления жанра и его эволюции в контексте всего литературного процесса – важная задача для национального литературоведения. По данной теме нет специальной монографической работы. Однако данная проблема в том или ином аспекте затрагивалась в различных трудах исследователей: И. А. Дахкильгова, А. У. Мальсагова, Х. В. Туркаева, Р. А. Чахкиевой, Р. К. Ужаховой, М. Дж. Яндиевой и др. В этих работах рассказ становился объектом изучения в основном в связи с описанием общего литературного процесса или исследованием творчества конкретных писателей¹. Предметом отдельного разго-

¹ . Дахкильгов И. А. ГалгIай говзама литература. – Дахкильгов И. А. Ингушская литература (период развития до 40-х годов). Грозный, 1975; Туркаев Х. В. Путь к художест-

вора ингушский рассказ становится в небольшом сборнике научных статей «Чеченский и ингушский рассказ. Проблемы жанра» (Грозный, 1987). Авторы главным образом акцентируют внимание на рассказах, опубликованных в конце 50-х – 70-х годах.

Вместе с тем, при всем многообразии научных трудов, целостное исследование истории жанра рассказа остается пробелом в ингушском литературоведении.

Целью исследования является изучение истории жанра рассказа в ингушской литературе от его истоков, времени его зарождения в 1920-х гг. до наших дней; на основе анализа произведений многих писателей показать генезис и особенности развития жанра. В соответствии с поставленной целью решаются следующие задачи:

– исследование историко-духовных истоков жанра рассказа; характеристика повествовательных традиций фольклора, оказавших существенное влияние на становление ингушской прозы;

– исследование творческого наследия ингушских просветителей последней трети XIX – начала 20-х гг. XX века, в частности А. Базоркина и О. Мурзабекова, заложивших основу художественного освоения реальной действительности;

– определение этапов развития рассказа в ингушской литературе;

– анализ поэтики произведений писателей – представителей разных поколений, творчество которых во многом определило судьбу не только жанра рассказа, но и всей национальной литературы;

– выявление тенденций развития рассказа и его жанровых форм в современной литературе.

Предмет исследования – зарождение, становление и современное состояние ингушского рассказа.

Объектом исследования являются рассказы 20–90-х гг. XX в., в их числе: произведения А. Б. Базоркина, О. Т. Мурзабекова, А.-Г. С. Гойгова, Т. Д. Бекова, С. Д. Долтмурзиева, Ш. З. Ахушкова, Х. С. Осмиева, Х.-Б. Ш. Муталиева, Б. Х. Зязикова, И. М. Базоркина, К. О. Чахкиева, А. А. Веджижева, А. Х. Бокова, М.-С. Плиева, С. И. Чахкиева, И. А. Кодзоева,

венной правде: Становление реализма в чеченской и ингушской литературах. Грозный, 1987; Мальсагов А. У. За новую жизнь. Литературоведческие статьи. Грозный, 1990; Чахкиев Р. А. Истоки чечено-ингушской прозы». Дисс... канд. фил. наук. 1979; Мартазанова Х. М. Художественная концепция человека и истории в прозе Идриса Базоркина. Дисс... канд. фил. наук. 2005 и др.

А. Т. Хашагульгова, В. В. Хамхоева и Б. Х. Горчханова, которые исследуются в контексте всего литературного процесса прошлого столетия.

Теоретической и методологической основой работы стали труды российских литературоведов и фольклористов: А. Н. Веселовского, М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана, Е. М. Мелетинского, В. Я. Проппа, Б. М. Эйхенбаума, И. А. Виноградова, У. Б. Далгат, К. К. Султанова, С. Л. Зухбы, И. А. Дахкильгова, Х. В. Туркаева, Ю. М. Тхагазитова, А. Х. Танкиева и др.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые предпринята попытка целостного исследования истории жанра рассказа в ингушской литературе в историко-культурном контексте.

Научно-практическая значимость диссертационной работы заключается в том, что ее результаты могут быть использованы при составлении программ и курсов лекций по истории ингушской литературы, проведении семинарских занятий.

Апробация работы. По теме диссертации опубликовано девять статей общим объемом 4,8 а. л. Многие положения и научные результаты работы были представлены в виде докладов на Международной научной конференции «Археология, этнология, фольклористика Кавказа (Памяти О. Лорткипанидзе)» (Грузия, г. Тбилиси 27–30 сентября 2010 г.), Всероссийской научно-творческой конференции «Северный Кавказ и русская литература XIX–XX веков» (Москва, Московский Государственный Университет им. М. В. Ломоносова (26–28 апреля 2012 г.), Международной конференции «Национальные культуры в современном мире. Фольклор и литература. (Памяти В. В. Кожина)» (Республика Абхазия, г. Сухум, 15–19 октября 2012 г.), Международной научной конференции «Актуальные проблемы чеченской и общей филологии» («Дешериевские чтения – 2014») ЧГУ (г. Грозный, 2014) и Международной научной конференции «Этноментальные ориентиры научных поисков в кросс-культурном пространстве XXI века» (г. Махачкала, 16–17 декабря 2015 г.)

Основные положения, выносимые на защиту:

– Актуализация рассказа в ингушской литературе во многом обусловлена социокультурной ситуацией. Такое приоритетное положение обусловлено его мобильностью, гибкостью в плане реагирования на изменения в историческом, социальном, философском и эстетическом сознании общества.

– Важнейшую роль в зарождении и становлении ингушского рассказа сыграли многовековая духовная культура народа, эстетика, повествователь-

ные традиции национального фольклора, культурная деятельность и творчество ингушских просветителей второй половины XIX – начала XX в.

– Немаловажным фактором, способствовавшим развитию национальной литературы, в частности жанра рассказа явилась русская литература, которая стала связующим мостом между ингушской культурой и литературой и мировой культурой и литературой. Значительную роль в формировании жанров, развитии литературного языка сыграли переводы на ингушский язык классиков русской и зарубежной литературы.

– На начальном этапе становления жанра рассказа в ингушской литературе в 20–30-х гг. XX в. преобладало публицистическое начало, художественный конфликт в основном строился на идеологической основе, противопоставлении новой социалистической жизни со старой «отжившей». Преобладают социально-бытовые рассказы.

– Во второй половине XX в. (особенно с 60-х гг.) происходит возрождение национальной литературы, процесс развития которой было приостановлено в связи с депортацией ингушского народа в 1944 г. В новых историко-культурных условиях намечается бурное развитие жанра рассказа. Писатели стремятся по-новому осмыслить прошлое и настоящее народа, отразить судьбу человека. Психологизм становится неотъемлемой чертой рассказа; усложняется сюжетно-композиционная структура произведений, формируются новые жанровые формы (психологический рассказ, философский рассказ и т.д.).

Структура диссертации. Исследование состоит из Введения, трех глав, Заключения и Библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дано обоснование актуальности темы исследования и научной новизны работы; сформулированы основные цели и задачи исследования, обоснованы принципы и методы анализа.

В первой главе «Истоки жанра рассказа. Повествовательные традиции национального фольклора. Творчество ингушских просветителей второй половины XIX – начала XX века» исследуется процесс зарождения жанра рассказа, важнейшими источниками которого стали национальный фольклор, традиции других литератур, главным образом, русской и опыт просветителей-писателей.

Каждая литература – это, прежде всего, продукт длительного историко-духовного развития народа. Национальное художественное сознание складывается задолго до появления письменной литературы. Об этом свидетельствуют устно-поэтические традиции народа. Фольклор играет важную роль не только в зарождении и становлении литературы, но и в ее дальнейшей эволюции. С появлением письменной литературы фольклорное наследие не теряет своей значимости, ибо в нем отражается тысячелетний духовный опыт народа. «Изучение опыта русских писателей XX века, – писала У. Б. Далгат, – убеждает в том, что фольклор продолжает оставаться творчески продуктивным средством художественного изображения». И далее: «фольклор, как и язык, вбирает в себя вековые ценности национальной духовной культуры»².

Ингушский фольклор богат и разнообразен. Это сказания о нартах, историко-героические и обрядовые песни, сказания, сказки, легенды, предания, пословицы и поговорки, народные рассказы-анекдоты, рассказы-загадки, небылицы и др.

В мифах, фольклорных произведениях (особенно в героическом эпосе о нартах) хорошо сохранились древнейшие архаические пласты культуры; в них отразились древние воззрения ингушей на окружающую действительность, на природу и человека. Значительное место в жизни народа занимает и этикет, который сыграл и играет важную роль в становлении и развитии ингушской культуры и литературы.

Нартский эпос ингушей, как и весь национальный фольклор в целом, является частью мировой культуры. Эпос широко распространен и у других народов Кавказа – адыгов, абхазов, абазин, чеченцев, карачаевцев и балкарцев. Единство национальных версий кавказской Нартиады наиболее ярко представлено в двух его главных образах: Сеска Солса – Сосруко – Сослан – Сасрыква и Села Сата – Сатана – Сатаней – Сатаней-Гуаша. «Древнейший пласт многослойного нартского эпоса связан с именами несравненного богатыря Сасрыквы и его матери Сатаней-Гуаши. Пожалуй, только эти два персонажа, наряду с термином “нарт”, с незначительными вариациями формы их имен, стали общими для всех национальных версий нартского эпоса»³ – утверждает Ш. Х. Салакая. Эти два образа являются в народном представлении

² Далгат У. Б. Этнопоэтика в русской прозе 20–90-х гг. XX века. М., 2004. С. 4.

³ . Салакая Ш. Х. Абхазский нартский эпос. Тбилиси, 1976. С. 126.

выразителями идеальных человеческих черт мужчины и женщины далекого и недавнего прошлого. В нартском эпосе отразился дух народа, его этика и эстетические взгляды.

В преданиях, легендах, народных рассказах повествуется об исторических событиях и исторических лицах, об их деяниях. В историческом эпосе часто имеет место конкретная информация, которая во многом совпадает с историей. В нем обнаруживается масса материалов этнографического характера, они раскрывают особенности материальной и духовной культуры народа (одежда, оружие, жилище, национальная кухня, традиции и обычаи и т.д.). Наиболее идеализируемым в ряду духовных ценностей является обычай гостеприимства. Герои готовы пожертвовать всем, чтобы соблюсти этот обычай. Гость и желание гостя самое святое. В ингушском обществе не было деления по социальному признаку. Благородство и знатность происхождения определялись не богатством, а отношением человека к нормам *Эздел* (национальной этики) и тем, как он их соблюдал. Как пишет А. Х. Танкиев, «предметом ингушской этики является ингушская национальная мораль. Универсальная категория *Эздел* одновременно означает ингушскую мораль и народную философию этой морали. Она содержит в себе не только систему нравственных ценностей, норм и правил, но и философию самой этой морали»⁴. Богатство эстетических представлений народа о человеке можно найти в совокупности фольклорных героев, которые вместе и составляют в художественно обобщенном виде те характерные для фольклора и литературы ингушей законы красоты. Народные представления о прекрасном формируются на протяжении тысячелетий. Под воздействием эстетических воззрений, чувств, темперамента возникают и развиваются традиции, обычаи, обряды, формы празднеств, увеселений, виды народных искусств. Со временем эти представления переосмысливались, трансформировались, часто заменялись противоположными. Хранителем морально-нравственных ценностей народа является фольклор. Он же веками выступал в качестве художественной формы народного эстетического познания мира. Народные представления о морали, этике, почерпнутые из нартского эпоса, да и всего фольклорного наследия, являются тем неиссякаемым источником, который всегда будет подпитывать художественную литературу.

Самый продуктивный жанр в ингушском народном словесном искусстве – сказки. Это сказки бытовые, волшебные и сказки о животных. Сказки,

⁴ Танкиев А. Х. *Эздел – ингушская этика*. Магас, 2007. С. 4.

особенно бытовые, оказали наиболее эффективное влияние на становление жанра рассказа. «Бытовые и новеллистические сказки ингушей, как и сказки других народов мира, – пишет Л. Х. Танкиева, – по своим поэтическим особенностям во многом отличаются от сказок о животных и волшебных. Для бытовой и новеллистической сказки характерно быстрое наращивание действий, которые не выходят из рамок обычной жизни. Язык бытовых и новеллистических сказок очень прост, ясен, лаконичен»⁵. «Несмотря на свое несоответствие действительности, – отмечал В. Я. Пропп, – именно сказка, и в особенности бытовая, есть родоначальница письменной реалистической повествовательной литературы».

В фольклоре ингушей, как и многих народов, есть повествования, не относящиеся ни к сказкам, ни к легендам, ни к преданиям, ни к сказаниям, их квалифицируют как устные рассказы, хотя границы между ними трудно бывает установить.

Как и литературный рассказ, устный рассказ является одним из самых мобильных жанров. Он быстро и оперативно откликается на важные жизненные явления и события, удовлетворяет определенные духовные потребности, отвечает идейным и эстетическим запросам народа.

Говоря о близком «родстве» устного рассказа и литературного очерка, С. Л. Зухба отмечает его близость и с литературным рассказом: «Можно найти его какие-то точки соприкосновения с жанром литературного рассказа», но ближе всего, по мнению исследователя, устный рассказ литературному очерку. «Устный рассказ – своеобразная форма реагирования и оценки, происходящих вокруг реальных событий»⁶. Зародившись еще в далеком прошлом, жанр устного рассказа продолжает жить и по сей день. Но не всегда устные рассказы повествуют об исторических событиях. В ингушском фольклоре существуют рассказы, в которых описываются забавные события анекдотического характера. Имя действующего лица в таких произведениях может меняться или попросту забывается в силу неприципиальности. В этих рассказах важно само происшествие (часто незначительное, но имеющее назидательный характер). События, связанные с конкретным лицом, часто приписываются популярному в фольклоре персонажу Цагену.

⁵ Танкиева Л. Х. Сказочный эпос ингушей. Нальчик, 2005. С. 172.

Пропп В. Я. Фольклор и действительность // Русская литература. 1963. № 3. С. 88.

⁶ Зухба С. Л. Типология абхазской несказочной прозы. Майкоп, 1995. С. 294.

Важная особенность народной прозы состоит в том, что она находилась в тесной связи не только с далеким прошлым, повествовала о легендарном прошлом и сказочных героях, но и о реальных событиях и лицах. Несомненно, роль фольклора в становлении литературы и формировании жанровой системы в ней велика, но она недостаточна для становления зрелой литературной традиции. Большое значение имело и освоение опыта развитых литератур. Известно, что многие литературы на стадии своего становления обращались к письменной традиции близкородственных культур либо культур, в определенный период находившихся в тесных контактах с ними: к примеру, европейские – к греко-римской, бурятская – к монгольской, армянская – к греческой и т.д. В силу исторически сложившихся обстоятельств такую роль для литератур Северного Кавказа сыграла русская литература. Хотя было бы упущением не сказать о влиянии арабской культуры и письменной традиции, о внедрении духовного образования на арабском языке по мере распространения ислама. Однако это был локальный опыт, продиктованный конфессиональными нуждами и не приведший к созданию национальной литературы. В целом следует констатировать, что толчок дала именно русская литература еще в XIX веке; тогда появились писатели-ингуши, которые создавали литературные произведения на русском языке.

У истоков зарождения рассказа стояли ингушские просветители конца XIX – начала XX в., которые часто получали образование в России. После завершения учебы они возвращались на родину с желанием образовать свой народ, вывести его к свету знаний. Это были люди универсальных знаний, которые подходили к изучению родного края и своего народа с разных позиций, старались в своих трудах затронуть разные сферы деятельности. Пытаясь максимально точно обрисовать быт, нравы, обычаи и традиции народа, природу их обитания, просветители обратились к наиболее достоверному оперативному жанру – очерку. Они не считали себя писателями, их задачей было просветить свой народ, изучить его изнутри, познакомить с ним другие народы, разрушить лживые стереотипы, созданные людьми малосведущими. С этой целью они писали очерки бытовые, нравоописательные, путевые, в которых нет художественного вымысла. Постепенно росло их художественное мастерство, и этнографические очерки приобретали эстетическую значимость. Мы считаем, что созданию письменной литературы на родном языке предшествовала русскоязычная проза просветителей. Относительно недавно стараниями некоторых исследователей (И. Дахкильгова, М. Яндиевой, А. Мальсагова, Б. Газикова) были введены в научный и литературный обиход

имена и произведения писателей-просветителей, которые дали возможность раздвинуть рамки истории жанра рассказа и говорить о более раннем этапе зарождения национальной литературы⁷. С нашей точки зрения, зарождение жанра рассказа на русском языке происходит еще до 1917 года. Художественно-этнографические очерки просветителей А. Б. Базоркина и О. Т. Мурзабекова и других явились основой для зарождения литературно-художественной мысли, почвой, на которой была возвращена ингушская национальная литература.

Первый шаг на пути к художественности от историко-этнографического очерка, берущего свое начало в творчестве видного ингушского просветителя Чаха Эльмурзиевича Ахриева (1850–1914), сделал *Асланбек Бунухоевич Базоркин* (1852–1890). Базоркин первым отошел от чисто научно-этнографического исследования и развил художественные элементы в своих очерках. Его творчество можно считать началом зарождения ингушской литературы. Творчество *Османа Темураевича Мурзабекова* (1889–1920) позволяет значительно раздвинуть рамки зарождения ингушской русскоязычной прозы. Художественное наследие Мурзабекова, впервые введенное в научный оборот Р. Х. Угурчиевой, обнаружено исследователем Б. Газиковым. Произведения О. Мурзабекова публиковались в России и за ее пределами на страницах газет и журналов, выходивших во Владикавказе, Санкт-Петербурге, Париже. На сегодняшний день известны его произведения «Перед сном», «Пробуждение», «Примерный мулла», «Старик Дамба», датированные 1911 годом.

Одно из первых произведений ингушских просветителей, претендующих на художественность, – «Примерный мулла». В жанровом отношении его можно определить как фельетон.

В основу другого произведения Мурзабекова «Старик Дамба» положены суеверия горцев о нечистой силе и ведьмах, о чем автор заявляет в подзаголовке «Из ингушских суеверий». По своей жанровой природе это произведение близко рассказу.

⁷ Дахкильгов И. А. Ингушская литература (период развития до 40-х годов). Грозный, 1975; Мальсагов А. У. За новую жизнь. Литературоведческие статьи. Грозный, 1990; Яндиева М. Д. По кодексу чести. Ингушское зарубежье // Новости Грозного. 1991. 2 сентября; Угурчиева Р. Х. Ингушское просветительство. У истоков становления национальной литературы (конец XIX – начало XX века). Дисс... канд. филол. наук. М., 2006.

Исторический период, на который падает становление ингушской национальной литературы, был полон большими политическими и социальными сдвигами, и писатели не успевали за бегом времени, не успевали осмыслить происходящее, а могли лишь только фиксировать события в образной форме. Начальные попытки запечатлеть стремительно меняющуюся жизнь были бледны и схематичны. Полноценной прозы еще не было. Много было переводной литературы, в основном с русского языка. «По своему объему переводная литература тех лет превосходила оригинальную ингушскую литературу. Особое внимание было уделено русской классике. Переводы служили удовлетворению растущих потребностей народа в литературе и воспринимались как оригинальная литература»⁸. Кроме того, переводы способствовали развитию литературного языка, становлению жанров прозы и поэзии в национальной литературе.

Таким образом, как и многие литературы Северного Кавказа, ингушская литература, берет свое начало из двух источников. Это, прежде всего, фольклорное наследие, богатые традиции устнопоэтического слова и ораторского искусства и художественного опыта просветителей-писателей, обогащенного традициями русской и мировой литературы. Вместе с тем освоение богатой русской литературной традиции помогло выработать творческие подходы в создании новых жанров и стилей, как в публицистике, так и во всех литературных родах – поэзии, прозе, драме.

Рассказ на ингушском языке возник сразу же с началом функционирования письменности: образцы очерков, рассказов, бытовых зарисовок были опубликованы в первых же газетах и учебниках начала XX в. и особенно 20-х гг., когда были основаны периодическая печать и книгоиздание.

Во второй главе «Становление и развитие жанра рассказа в ингушской литературе в первой половине XX века. Историко-культурный контекст. Социально-бытовой рассказ. Первые опыты психологической прозы» исследуется проблема специфики становления жанра рассказа в 20–40-е годы XX столетия.

В 20–40-е годы XX века происходит становление малых прозаических жанров: художественного очерка, рассказа, а также повести. В жанре документального очерка о гражданской войне написаны произведения Б. Х. Дахкильгова «Через трупы», Х. С. Осмиева «За власть Советов»,

⁸ Культурное развитие Ингушетии в 20–30-е годы XX века // История Ингушетии / Ответ. ред. Н. Д. Кодзоев. Магас, 2011. С. 372.

О. А. Мальсагова «Налет на Плиево», С. Д. Долтмурзиева «Красный Верден». В жанре рассказа работали в 20-е годы А.-Г. С. Гойгов, С. Альдиев, Ш. З. Ахушков, А. Баркинхоев, И. Ахриев. В то же время авторы активно осваивают жанр повести. В 1927 году на русском языке А.-Г. Гойгов пишет повесть «Джан-Гирей» о судьбе молодого горца, ищущего счастливой доли на чужой ему русской земле, и повести «Пробуждение» и «Серго».

В 1926 году в Лондоне написана на русском языке первая ингушская повесть «Адский остров». Автор этой документальной повести – офицер белой армии С. А. Мальсагов. Жертва и свидетель преступлений тех лет – Мальсагов – первый из тех, кто рассказал миру об ужасах большевистских концлагерей и о совершенном им в 1925 году побеге из Соловков. Книга «Адский остров», по словам М. Д. Яндиевой, – «жестокое, далекое от беллетристики лаконичное и концентрированное повествование о лично пережитом»⁹.

Наряду с прозаическими жанрами развиваются поэзия и драматургия. Драматургия особенно оказалась востребованной в 1920-х годах, когда большая часть населения оставалась неграмотной, и так как устное (драматическое) слово легко и быстро воспринималось малограмотной аудиторией, то драматические произведения имели большое значение для формирования и пропаганды культуры. Театр обеспечивал непосредственный контакт со зрителем. Именно в эти годы были созданы театральные коллективы, агитбригады. Яркое противопоставление новой жизни старой, утверждение определенных политических идей, пропаганда просвещения народных масс – таковы основные качества, которыми характеризовались первые пьесы ингушских писателей. Немаловажную роль в становлении столь сложного, с литературной и художественной точки зрения, жанра сыграли традиции народной драмы¹⁰. У истоков ингушской драматургии стоит З. К. Мальсагов – автор социально-бытовых пьес: «Похищение девушки» (1923), «Кровная месть» (1927). Позднее Х.-Б. Ш. Муталиев создает бытовую пьесу «Око за око, зуб за зуб» (1928). Оба автора опирались на традиции ингушской народной драмы.

⁹ . Яндиева-Албогачиева М. Д. «Адский остров» Созерко Мальсагова как явление документальной ингушской прозы 20-х годов // История национальных литератур. Перечитывая и переосмысливая. Вып. III. М.: Наследие, 1998. С. 231.

¹⁰ См.: Евлоева А. М. Ингушская драматургия: национальные истоки, эволюция, жанровая специфика. Дисс... канд. филол. наук. Магас, 2006.

Поэзия 20-х годов представлена произведениями Т. Д. Бекова, З. К. Мальсагова и их переводами из русской классической литературы. Первые стихи на ингушском языке принадлежат Бекову, он также разработал ингушское стихосложение. Его поэзия подвержена сильному влиянию ингушского фольклора, но и в то же время проникнута революционным пафосом. В 1928 году появляются стихотворения А. И. Озиева и О. И. Озиева на ингушском языке. Основные темы их поэзии – революция и раскрепощение горянки. В 30-х годах в литературе превалирует поэзия, появляется и жанр литературного фельетона, публикуются документальные очерки на историко-революционную тему («Бои в Долаково» О. А. Мальсагова, «Ингушетия в революционном движении» А. Шадиева). Среди рассказов – «Похищение девицы» О. А. Мальсагова, «Идут большевики» Х.-Б. Ш. Муталиева, «Смерть Юнуса», «Хасан» А. Богатырева, «Шейх» Х.-Б. Ужахова и другие, написанные в духе вновь формировавшихся представлений социалистического реализма. Ингушская литература начала 40-х годов представлена публицистикой, военными очерками и корреспонденциями И. М. Базоркина и Б. Х. Зязикова, антифашистской поэзией Х.-Б. Муталиева, С. И. Озиева, Дж. Х. Яндиева, М. М. Хашагульгова. В 1943 году вышли: сборник публицистических статей и очерков И. М. Базоркина «В бой», сборник антивоенной патриотической поэзии «Сердце матери». Были опубликованы пьесы И. М. Базоркина «В эти дни» (1940) «Капитан Ибрагимов» (1941), «Рождение ненависти» (1942), посвященные героизму советских людей. В многосложном процессе формирования национальной литературы значительное место занимал рассказ.

В 20–30-е годы XX века, наряду с очерком, рассказ осваивает национальную тематику. Развитие этого жанра в ингушской литературе связано с именами Т. Д. Бекова, С. Д. Долтмурзиева, Ш. З. Ахушкова, Х.-Б. Ш. Муталиева, И. М. Базоркина и др. Наиболее плодотворно трудился в жанре рассказа А.-Г. С. Гойгов. Рассказ этого периода, как, впрочем, и вся литература, наполнен оптимизмом, наивной верой в «светлое будущее». Писатели искренне верили в необходимость и справедливость совершившихся перемен. В своем стремлении избавиться от мрака прошлого и приблизить торжество социалистического «рая», многие слепо шли по пути резкого и безоговорочного отрицания национальных традиций, называя их пережитками. Незрелость художественного мышления, отражавшаяся во многих произведениях того периода, следует объяснить не только начальной стадией развития литературы, но и главным образом стремлением создать, если можно так

выразиться, «нейтральную» литературу, литературу с советским лицом, иначе говоря, без национального лица, литературу с инородным самосознанием.

Абдул-Гамид Сипсоевич Гойгов (1896–1948), писавший на русском языке, начинает творческий путь с публикаций в газетах «Революционный горец» и «Народная власть». Первые очерки и статьи Гойгов печатал под псевдонимами Агсиго-Черный и Кара. Среди них очерки «Ингушский народ. Страдания ради свободы», «Бывший Союз горцев Северного Кавказа (Его возникновение, цель и распад)», «Освободительное движение ингушского народа», «Забытые», «Конец грабежа». Позже им были написаны такие очерки как «Вверх по Ассе» (1919), «Записки коммуниста» (1919?), «По горам Дагестана» (1920), «Как деникинцы сожгли селения Экажево и Сурхохи» (1922?) и др. Все они написаны по горячим следам исторических событий. Гойгов стремится запечатлеть картину изменяющейся действительности, показать особенности нарождающейся новой общественной и политической жизни народов Северного Кавказа. В ряде рассказов, написанных А.-Г. С. Гойговым в 20–30-х годах, особое место занимает женская тема: «Беспросветный путь» (1922), «Сон горянки» (?), «Нана-пленница» (1928), «Проклятие прошлого» (1939). В них писатель говорит о бесправии женщины-горянки, ее тяжелой доле. В рассказах, написанных в 1922–1928 гг., Гойгов затрагивает другие темы: кровную месть («Брат молит о мести»), коллективизацию сельского хозяйства («Месть Дербича»), прославление новой власти («За новую жизнь», «Маленькие мученики»). В своих произведениях Гойгов-прозаик отражает взгляды на исторические процессы, происходившие в Ингушетии и соседних горских республиках. Он, как и многие писатели Северного Кавказа, показывал преимущество новой социалистической жизни, выражал негативное отношение к прошлому, к старому укладу жизни, народным традициям. На наш взгляд, чрезмерная идеологизированность прозаика, как и многих других писателей того времени, не способствовала правдивому раскрытию жизни ингушей, их ментальности, национального характера. Тем не менее, эти и другие особенности художественного отражения действительности, обусловленные исторической эпохой и его вызовами, не мешают констатировать, что Гойгов внес значительный вклад в становление ингушской литературы в целом и жанра рассказа в частности.

Беков Тембот Дордаганович (1873–1939) по праву считается зачинателем художественной литературы на ингушском языке. Основоположник первых очерков на родном языке («Курсы учителей», «Приезд Калинина во Владикавказ», «Ранняя весна»), он также внес существенный вклад в развитие

жанра рассказа. Беков принимал активное участие в процессе обучения ингушей родной грамоте, организовывал работу в газете «Сердало», был одним из тех представителей национальной интеллигенции, кто разработал и подготовил к печати грамматику ингушского языка. Его первые публикации появляются в газете «Сердало», которая была в то время главным и единственным печатным органом ингушей. Это были публицистические очерки просветительского характера. В них он непосредственно обращается к народу, призывая учиться и совершенствоваться, изживать все, что мешает просвещению и бережно хранить лучшее в народе. В очерках Беков воодушевленно и эмоционально рассказывает о новой власти, об улучшениях, которые несет с собой Октябрьская революция. В них писатель стремится создать облик молодой Ингушетии. Боль за судьбу народа, его будущее, осознание необходимости сохранения и развития национальной культуры, повышения благосостояния людей сближает его произведения с очерками и рассказами ингушских просветителей XIX века. Проза Бекова, как и других ингушских советских писателей, несет на себе отпечаток новых исторических реалий. Ингушская литература первых послереволюционных лет и 20-х гг. в основном была идеологизированной. Революционная патетика, лозунговость, призывность – характерные ее черты. Но в своем творчестве Беков не следует слепо принципам, диктуемым новой идеологией. Он не ставит задачу воспевать революцию, новую политическую систему, в его произведениях преобладает просветительская направленность, искреннее желание вывести народ к просвещению, что сближает его взгляды с идеями дореволюционных просветителей. Произведения Бекова – кладезь живого ингушского языка. Он был одним из тех редких людей, кто владел всеми сокровищами родного языка. Писатель внес большой вклад в развитие ингушского литературного языка и становление национальной литературы.

Первым и единственным органом печати в годы становления ингушской литературы и культуры являлась газета «Сердало» («Свет»). Газета была для народа главным духовным источником. Она находила своего читателя в совершенно разных слоях населения. По азбуке, которая печаталась первые годы чуть ли не в каждом номере, неграмотное население училось читать. На ее страницах печатались новости не только местного значения, но и всесоюзного и мирового масштаба, а с 1927 года в газете появляется рубрика «Литературная страничка». В газете практически с первых лет ее существования постоянно публиковались литературные опыты начинающих писателей и поэтов. Впоследствии многие из них стали классиками ингушской литературы.

Есть и такие, которые ограничились первыми опытами. Часто произведения этих авторов оставались единичными, но все же они, на наш взгляд, внесли свой вклад в дело становления жанра рассказа и вообще национальной литературы. Авторы небольших рассказов, а также очерков и статей в газете часто подписывались псевдонимами или инициалами, поэтому авторство некоторых рассказов невозможно установить. К таким рассказам относится «Лошадь Бийберда» неизвестного автора (подписан инициалами «С.С.»), который был опубликован на страницах газеты «Сердало» в 1927 г., и в нашей работе он анализируется впервые. Произведение интересно тем, что оно совершенно свободно от идеологии и аполитично, хотя действие в нем происходит на заре становления советской власти в Ингушетии. Видимо, поэтому оно не привлекло внимание советских литературоведов. Рассказ повествует об одном незначительном событии из жизни небольшой ингушской семьи. Советскую литературную критику рассказ «Лошадь Бийберда» не заинтересовал и был признан, как незначительный вклад в развитие прозы, так как произведение не отвечало требованиям того времени и недостаточно «идейно заострено». Рассказ анализируется нами впервые.

С середины 20-х годов писатели начинают проявлять интерес и к дореволюционной жизни народа. Рассказ Сулеймана Дениевича Долтмурзиева (1899–1966) «Кинжал», опубликованный в 1926 году в газете «Сердало», и повествующий о трагических последствиях межнациональных столкновений, тому подтверждение. В основу произведения легли события, очевидцем которых был сам автор. В рассказе «Кинжал» писатель отразил особенности политики, проводившейся на Кавказе царским режимом. Царское правительство стремилось покорить, сломить, ассимилировать горцев, не считаясь ни с их нравами, ни с их чувствами, подавить национальную культуру, насильственно насаждая чужую. Долтмурзиев в рассказе правдиво и живо описывает ермоловскую эпоху, когда Кавказ был превращен в полигон боевых действий. «На Кавказе, что ни город – крепость, что ни станица – укрепление, что ни местечко – редут». Автор показывает, какими путями создавались условия для поддержания в казаках воинственного духа и ненависти к кавказским горцам. Писатель в рассказе также обратил внимание на проблему межнациональных отношений в регионе. Мотив осуждения политики стравливания народов в Российской империи присутствует и в других произведениях С. Д. Долтмурзиева (повесть «Красный Верден» и др.). В них отражены проблемы социальной, экономической и культурной необустроенности и отсталости ингушей. Писатель считал, что одной из главных причин бедственного

положения ингушского народа была колонизаторская политика царских властей.

Долтмурзиев – убежденный сторонник нового советского строя, в своем творчестве он обращается к теме освобождения народа из «мрака невежества» – одной из основных тем просветительства. И решение этой задачи осуществляется им в духе нового времени. Как и у многих писателей того времени, его проза носит декларативный, лозунговый характер. Сказанное не относится к рассказу «Кинжал», но полностью подтверждает другой рассказ писателя – «Во имя адата», опубликованный в 1927 году в газете «Сердало». То же можно сказать и о рассказе Ислама Ахриева «Жертва», опубликованном в 1928 году в «Сердало»; он повествует об угнетенной ингушской женщине, о ее несчастном браке.

Теме кровной мести – одной из самых актуальных в то время – посвящено много рассказов. Они весьма разнообразны по своим художественным достоинствам. Чаще всего эти рассказы схематичны, со слабо выраженным конфликтом, причинно-следственные связи в них отсутствуют. Среди них выделяется рассказ будущего классика ингушской литературы И. Базоркина «Несчастье». Базоркин сумел через единичное событие из жизни главного героя – старика Вагапа – показать картину ингушской действительности со всеми ее сложностями, передать внутреннее состояние персонажа.

В литературном процессе 20–30-х годов особую роль сыграл Шамиль Заурбекович Ахушков (1907–1944), который внес существенный вклад в развитие национальной литературы, в частности жанра рассказа. Ахушков был человеком разносторонне одаренным. Киновед, кинокритик, кинематографист, владевший русским, французским, украинским и родным ингушским языками, он вошел в историю ингушской культуры как прозаик, один из первых авторов коротких рассказов.

Из дошедших до нас рассказов Ахушкова самый ранний – «Ибрахьми Ахьмади» («Ибрагим и Ахмед») (1926), написанный на ингушском языке; он был опубликован в газете «Сердало» на латинице. Ахушков также автор цикла рассказов «Ингушетия», рассказов из цикла «Три кавказских рассказа» (1932) (любезно предоставленных нам Б. Газиковым в рукописном виде)¹¹,

¹¹ В виде отдельного сборника рассказы Ш. З. Ахушкова опубликованы недавно. См.: Ахушков Ш. Неизвестное наследие. Назрань–Москва, 2009; Яндиева М. Ингушская Атлантида: Шамиль Ахушков. Назрань–Москва, 2009.

пьес, ряда очерков и сценариев на украинском языке, составитель трудов по истории мирового киноискусства.

В 30-х годах развивается жанр фельетона. Нужно особо отметить серию фельетонов, подписанных псевдонимом Темарко. Настоящими их авторами были молодые тогда писатели Х. Осмиев, Х.-Б. Муталиев, М. Мальсагов. Темарко – вымышленный персонаж, старик, напоминающий сатирического героя ингушского фольклора Цагена. По форме эти фельетоны близки устному народному рассказу. Они сыграли значительную роль в формировании сатирического рассказа в ингушской литературе, который занял заметное место в литературном процессе в последующих десятилетиях, особенно во второй половине XX века.

Во второй половине 30-х – начале 40-х годов жанр рассказа получил дальнейшее развитие. Он начинает приобретать эпические черты, постепенно избавляясь от документальности и очерковости. Значительно возрос уровень психологизма, о чем свидетельствует рассказ Х.-Б. Муталиева «СохИийп» («Сугаип») (1937). При всех художественных недостатках произведения, очевидно одно: в ингушской прозе впервые появился сложный противоречивый образ, сделан шаг в создании психологического рассказа. Опыт Муталиева в последующие десятилетия получил продолжение в творчестве Х. С. Осмиева, который заявил о себе как сложившийся прозаик в 40–50-х годах.

Рассказ начала 1940-х годов представлен произведениями Б. Х. Зязикова и И. М. Базоркина, он обретал новые черты и новое качество. Военная тематика становится основной и в прозе и в поэзии. Б. Зязиков и И. Базоркин активно занимались публицистикой и литературной критикой, их статьи постоянно появлялись в периодической печати. Эта сторона творческой деятельности писателей, включая переводческую, способствовала наполнению произведений жизненной конкретикой, усилению в них реалистических мотивов, углублению во внутренний мир героев.

В дальнейшем творчество А.-Г. Гойгова, Т. Бекова, Ш. Ахушкова, И. Базоркина, С. Долтмурзиева, Х. Осмиева, Б. Зязикова, Х.-Б. Муталиева, О. Мальсагова и других существенно расширило горизонты национальной литературы и обозначило новые пути ее развития. В прозе этого периода преобладают социально-бытовые рассказы, но уже делаются попытки создания психологического рассказа, который занимает значительное место в творчестве Х. Осмиева, И. Базоркина и других.

С середины 40-х годов на долгие тринадцать лет был прерван литературный процесс, это было связано с депортацией ингушей в Среднюю Азию

и Казахстан. Тяжелые годы, выпавшие на долю народа, вычеркнули из литературной жизни молодых талантливых писателей, только вступивших на творческий путь. Среди них особо выделяется имя Капитона Чахкиева. С середины 40-х до конца 50-х годов было написано мало, в основном это были стихи. И их удалось опубликовать только после реабилитации и возвращения народа на родину. Таким образом, 1944–1957 годы для ингушской литературы и культуры можно считать потерянными. Но трагические перипетии этого времени стимулировали глубокие размышления об истории, о судьбах народа, укрепили национальное самосознание. Мощный всплеск, который получает литература после возвращения народа на родину, не только восстанавливает литературный процесс, но и способствует становлению крупного прозаического жанра – романа и развитию повести и рассказа. С конца 50-х годов намечается новый период в истории ингушской литературы, когда на арену выходят такие крупные национальные писатели, поэты как Капитон Чахкиев, Ахмет Боков, Магомед-Саид Плиев, Саид Чахкиев, Али Хашагульгов, Иса Кодзоев.

Третья глава «Эволюция жанровых форм рассказа в 60–90-х годах XX столетия» посвящена изучению жанра рассказа последней трети XX века. В конце 50-х гг. ингушская литература после тринадцатилетней ссылки народа начинает возрождаться. Литературный критик А. Костоев называет период с 1957 года в ингушской литературе периодом «брожения (перед подъемом)», а 13 лет (1944–1956), проведенные народом в депортации – периодом «безвременья»¹².

В 1956 г. во Фрунзе вышел сборник произведений ингушских писателей, драматургов и поэтов «Весна», здесь же в 1957 г. был издан сборник стихов, рассказов и пьес «Дега гЮз» («Радость сердца»), в 1958 г. в Грозном увидел свет сборник стихов и рассказов «Родина» на ингушском языке, в 1959 в Москве – антология «Чечено-ингушская поэзия» на русском языке. В 1958 году появился новый литературный альманах «Лоаман Гуйре» («Утро гор») и вновь начала издаваться газета «Сердало» («Свет»). На первом съезде писателей Чечено-Ингушетии в 1957 году был восстановлен Союз писателей, стал функционировать и Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы. В конце 1958 года в городе Грозном начал работать Чечено-Ингушский национальный театр, оживилась самодей-

¹² Костоев А. Три периода в истории чечено-ингушской литературы // Ореховое дерево. М., 2007. С. 347–356.

тельность в сельских клубах и домах культуры. Национальная литература популяризировалась посредством радио, а позже – и телевидения.

В такой атмосфере появляется новое имя в ингушской литературе, во многом способствовавшее развитию и жанра рассказа и литературы в целом. Капитон Османович Чахкиев (1924–1961) – поэт, прозаик и художник – был многогранной личностью и кроме литературного таланта обладал и даром живописца но, к сожалению, работы Чахкиева-художника неизвестны, так как они утеряны, а роман «Моакхаза лоамаш» («Гранитные горы») (1961) остался незавершенным по причине преждевременной смерти автора. Писать Чахкиев начал очень рано (с двенадцати лет); период его творческого созревания совпал с трагическим для народа временем, когда вся ингушская литература находилась в застое (1944–1957). Блистательный поэт, приблизивший поэзию к жизни народа и усовершенствовавший ингушский стих, умело используя фонетические особенности ингушского языка (долгота и краткость гласных), Чахкиев также вывел и прозу на более высокий уровень. Его рассказы сильно отличаются от рассказов большинства его современников не только правдивостью изображения реальности, новизной тематики, умением передать колорит своей эпохи и народный дух, тонким чувством юмора, живым народным языком, разнообразием идейно-художественного содержания, но главным образом отношением к изображаемой им действительности. Они наполнены жизнью невыдуманной, настоящей. Чахкиевский подход к далекому прошлому народа наблюдается в прозе И. А. Кодзоева и Б. Х. Горчханова, которые придут в литературу позже.

В развитие жанра рассказа существенный вклад внесли такие писатели как И. М. Базоркин, А. Х. Боков, Х. С. Осмиев, Б. Х. Зязиков, К. О. Чахкиев, А. А. Веджижев, С. И. Чахкиев, М.-С. А. Плиев и другие. В своих произведениях они раскрывают особенности народного характера, воссоздают атмосферу времени, духовный мир своего современника. Их волнуют и этические проблемы. Разнообразие жанровых форм рассказа в данный период (рассказ-зарисовка, историко-революционный рассказ, рассказ-притча, детский рассказ, сатирический рассказ и т.д.) говорит о разработанности этого жанра в ингушской литературе. Причина популярности рассказа заложена в его природе как малого оперативного жанра, позволяющего реагировать на различные явления жизни, особенно в переломные эпохи.

В «малой форме» ингушские прозаики продолжают традиции 20–30-х годов. Тематика в основном остается той же: социальное положение ингушской женщины, борьба с духовенством, критика традиционного уклада жиз-

ни, но меняется подход. Если в произведениях 20–30-х годов горянка еще очень робка и нерешительна в борьбе за право строить личную жизнь по своему усмотрению, то у героинь 50-х годов нет и следа былой скованности и ограниченности устремлений. Но писатели мало внимания уделяют описанию внутреннего мира своих героинь. Актуальной остается и историко-революционная тема. И дело здесь не только в интересе к героическому прошлому народа, к событиям революции. Перед писателями стояли определенные задачи. И главная определяющая из них – создать героя нового типа, самоотверженно и самозабвенно отдающего свои силы делу революции. Система, создавшая социалистический реализм, диктовала свои установки, которые требовали от писателей создания новых произведений, показывающих «героическую эпоху революционного преобразования общества», а также «решительной борьбы с любыми проявлениями националистических и шовинистических пережитков». Борьба эта, по сути, вела к искоренению национального самобытного в литературе и культуре многочисленных народов СССР.

С именем Ахмета Абубакаровича Веджижева (1919–1996) связано дальнейшее развитие сатирического и юмористического рассказа. Именно рассказы сатирического и юмористического характера наиболее удачны в его творчестве. «Веники Мути», «Зять у родственников жены», «Болтливая невестка», написанные живым и выразительным языком, наполнены народным юмором.

Начиная с 60-х годов в жанре сатирического рассказа плодотворно работают Х. С. Осмиев, А. Х. Боков, М.-С. А. Плиев и др. Отрицательные персонажи в рассказах становятся главными. К 70-м годам ингушская литература избавляется от схематизма, который в основном был присущ ей в первой половине XX века. На передний план выходит тема прославления советского строя и советского труженика. Меняются способы создания героя и сам герой. Если герой рассказа раннего периода создавался зачастую по одной заданной схеме и представлял собой некую безличную фигуру, то теперь появляется новый герой. Это простой советский труженик, каждый день совершающий свой маленький трудовой подвиг. Им противопоставлена целая галерея отрицательных персонажей: пьяницы, тунеядцы, спекулянты, взяточники, которые становятся главными героями таких рассказов. Кроме того, в 60–70-х годах еще сохраняет свою актуальность военная тематика. К ней обращаются И. Базоркин, Б. Зязиков, Х. Осмиев, С. Чахкиев.

Тема депортации в этот период еще была под запретом, но все-таки прозаики хотя бы полунамеками старались писать об этом. Только в конце 80-х годов стало возможным открыто писать о репрессиях 30–40-х гг. XX века. Глубоко и проникновенно пишет о трагедии народа Саид Идрисович Чахкиев (1938–2008) в рассказах «Церага маьре яхар» («Выйти замуж за огонь») и «Маькха гIорГалгаш» («Крошки хлеба»).

Обогащение жанра рассказа новыми жанровыми формами, расширение тематики, совершенствование поэтических средств, выработка писателями своего индивидуального стиля, стремление отразить различные стороны жизни, прошлого народа стали положительным явлением в ингушской литературе в конце 70-х – начале 80-х годов XX века. Писатели уже в значительной мере отказались от стереотипности, штампов, описательности в повествовании. В своих рассказах они обращаются к героям-труженикам, к духовной стороне их жизни, к их нравственному росту. Так, лейтмотивом творчества А. Бокова и Х. Осмиева становится мысль о том, какой след оставляет человек после себя на земле. Их герои люди самых простых профессий: агрономы, нефтяники, плотники, шоферы. Народ, вернувшийся из ссылки к родным пашням, трудится с удвоенной силой и энтузиазмом. Вновь восстановленная республика достигает заметных успехов в сельском хозяйстве и особенно ощутимыми они становятся в 70-х годах. Вот такие труженики и становятся героями Осмиева и Бокова.

Однако в тех же 70-х годах появлялись и другие писатели с другим мнением и другим видением происходящего. В обществе, в основном среди интеллигенции, назревали совершенно противоположные настроения. Ингушский народ, реабилитированный лишь частично, был не согласен с существующим положением дела, что вылилось в январский митинг 1973 года.

Значительный вклад в развитие жанра рассказа в ингушской литературе 70–80-х гг. внесли Иса Аюбович Кодзоев (1938) и Али Татриевич Хашагульгов (1943–1999). И. Кодзоев и А. Хашагульгов в 60-х годах становятся первыми писателями-диссидентами, которые по политическим мотивам отбывают срок заключения в мордовских лагерях.

Произведения Хашагульгова начинают печататься лишь в конце 80-х годов. Его проза – уникальное явление в ингушской литературе. Рассказы А. Хашагульгова «Ахча» («Деньги») (1970), «Болх» («Работа») (1970), «Езачунга яздаь каьхат» («Письмо к любимой») (1971), «Дешар сенна деза» («Зачем учиться») (1973), «Янзара хьо» («Ты не пришла») (1973) глубоко психологические, философского содержания произведения о современной писате-

лю действительности. Впервые прозаические произведения Хашагульгова были опубликованы в альманахе «Лоаман Гуйре» («Утро гор») лишь в 1989 году и до сих пор эта публикация остается единственным изданием его прозы. Уделяя большое внимание поэзии Хашагульгова, исследователи обходят стороной его прозу. И в нашей диссертационной работе предпринята первая попытка исследования прозаических произведений Хашагульгова.

Во многих рассказах А. Хашагульгов затрагивает актуальную по сей день тему калыма. На первый взгляд может показаться, что она главная. Однако автор обращает внимание на другие не менее сложные проблемы: безработица, низкий уровень жизни, низкая оплата труда. Его герои в большинстве своем интеллигентные, образованные молодые люди, не имеющие возможности честным трудом обеспечить себе достойную жизнь.

Проза И. Кодзоева характеризуется глубиной разработки характеров, выразительностью и пластичностью образов. Цикл рассказов о депортации под заглавием «Казахстанский дневник» (1957–1962) (за который Кодзоев отбыл четыре года в мордовских лагерях) состоит из двадцати пяти небольших историй, две из которых «Степь, мальчик и девочка» и «Прощай, Вилли!» созданы значительно позже, в 2004 году. Рассказы автобиографичны, написаны беспристрастным, почти публицистичным языком. Обыденный тон автора, выбранный им для этих рассказов, и вызывает ощущение трагизма у читателя.

Начиная с конца 50-х гг. XX века писатели ведут рассказ к новым достижениям, наращивая собственное художественное мастерство. До конца XX века продолжают работать И. Базоркин, А. Боков, С. Чахкиев. В 60–70-х гг. появляется ряд талантливых писателей, которые приведут ингушскую прозу к новым художественным высотам: Али Хашагульгов, Иса Кодзоев и др. Продолжая лучшие традиции К. Чахкиева, эти прозаики обращаются в своем творчестве к прошлому и настоящему своего народа, добиваясь максимально правдивого изображения действительности, создания ярких, живых образов. В творчестве Бадрудина Хасултановича Горчханова (конец 80-х – 90-е гг.) намечился сознательный отход от «нейтрального» стиля времен соцреализма и возвращение к богатству народного языка. Основной задачей литературы становится правдивое изображение жизни ингушей, описание их нравов, создание реалистичных образов в контексте времени. При этом «фольклор продолжает оставаться творчески продуктивным средством художественного изображения» (У. Б. Далгат). Характерной чертой большинства ингушских рассказов, начиная с 60-х годов, становится психологизм, интерес к психоло-

гизму ведет к усложнению сюжетно-композиционной структуры рассказа, возникновению новых жанровых форм (историко-психологический рассказ, нравственно-психологический рассказ и др.). В таких рассказах усиливается анализ внутреннего мира героя, раскрываются нравственные основы личности современника (например, рассказы А. Хашагульгова). Ингушский рассказ больше ориентируется на нравственные, социальные, философские проблемы. В указанный период рассказ окончательно освобождается от очерковости; он сосредоточивает свое внимание на художественном исследовании проблемы человека, его духовного мира, его связи с окружающим миром, обществом, временем, с властью.

В **Заключении** подведены итоги исследования и намечены перспективы работы.

**Основное содержание диссертации отражено
в следующих публикациях:**

Статьи, напечатанные в изданиях, рекомендованных ВАК

1. Горчханова Т. Х. Художественное своеобразие рассказов Шамиля Ахушкова // Вестник Адыгейского государственного университета. Майкоп, 2012. Выпуск 1 (96). С. 25–31 (0,5 п.л.).

2. Горчханова Т. Х. Малоизученные рассказы 20–30-х годов XX века в ингушской литературе // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2014. № 4. С. 449–453 (0,5 п.л.).

3. Горчханова Т. Х. Али Хашагульгов. Неисследованная проза // Российский научный журнал, 2015 № 5(48). С. 214–217 (0,4 п.л.).

Статьи в других изданиях

4. Горчханова Т. Х. Художественная реальность прозы Ахмета Бокова // Научный вестник Ингушского государственного университета. Магас, 2010. № 1–2 (13–14). С. 160–169 (1,4 п.л.).

5. Горчханова Т. Х. Женская тема в рассказах А-Г. Гойгова // Ученые записки Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Ахриева. Магас, 2010. Выпуск III. С. 120–126 (0,3 п.л.).

6. Горчханова Т. Х. Влияние фольклора на становление жанра рассказа в ингушской литературе // Международная научная конференция «Археология,

этнология, фольклористика Кавказа». Сборник кратких содержаний докладов. Тбилиси: Издательство «Меридиани», 2011. С. 632–634 (0,2 п.л.).

7. Горчханова Т. Х. Тема депортации в рассказах С. И. Чахкиева и И. А. Кодзоева // Национальные культуры в современном мире. Литература. Фольклор. Памяти В. В. Кожина (Материалы Второй Международной научной конференции 15–18 октября 2012. Республика Абхазия, г. Сухум). С. 312–322 (0,6 п.л.).

8. Горчханова Т. Х. Проза Капитона Чахкиева как переломный этап в развитии ингушского рассказа // Материалы Международной научной конференции «Актуальные проблемы чеченской и общей филологии» («Дешериевские чтения-2014»). Грозный: Издательство ЧГУ, 2014. С. 113–118 (0,6 п.л.).

9. Горчханова Т. Х. Эволюция жанровых форм ингушского рассказа в 60–90-х годах XX века // Материалы конференции «Этноментальные ориентиры научных поисков в кросс-культурном пространстве XXI века». Махачкала, 2015. С. 133–136 (0,4 п.л.).